

Л. Н. утром продиктовал мне ответ польке, упрекавшей его за то, что он написал о Боснии, а об их Польше не пишет⁸.

13 марта. Л. Н. слаб, в угнетенном духе. День провел, главным образом читая «Былое».

Под вечер приехал М. В. Булыгин. Л. Н. к обеду приехал в залу. Николай Николаевич рассказал, что у Черткова опять был становой за подпиской, что уедет; а так как знает, что Чертков подписки не даст, то губернатор его вызовет к себе. Это посещение его полицейскими показывает, что его все-таки выплюют.

Л. Н. рассказал: 1) про новые письма Гоголя¹, 2) что читал в «Былом» об ограблении Херсонского казначейства в 70-х годах: уцелевшие у похитителей 10 тысяч пошли на приготовление к убийству Александра II.

Михаил Васильевич рассказал, что ему предстоит защищать 19-летнего парня, участника экспроприации с убийством старухи в Туле. Замешаны парни деревенские от 17 до 21 года; заправила — рабочий 21 года из Чулково, предместья Тулы, где живут рабочие.

Потом М. В. Булыгин рассказал очень интересно, наглядно про другое дело, дело крестьян; он их будет защищать. Капиталисты построили Лихвинскую железную дорогу на земле крестьян, не заплатив им за нее. Отчуждили ее с урожаем, урожай продали, железную дорогу проложили, а крестьяне не получили никаких денег. Они даже еще продолжали платить подати за отнятую у них землю. Вымогали у них аукционом. Крестьяне обращались к властям — без последствий. Железная дорога действовала шесть лет, когда они, в то возбужденное время 1906 г., решили остановить ее. Собралась толпа, 2000 крестьян, и перегородили путь, не пустив поезда. Приехал становой со стражниками; стрельба; не убили никого, аресты, теперь суд. Подсудимые — потерпевшая сторона, виновники — в стороне. Прокурор симпатичный и добрый.

Еще рассказал Михаил Васильевич о суде над крестьянином из Малахова, убившим дядю. Дядя гнался за ним, он поднял по пути кол и ударил его по голове. Тетя простила его. Председатель суда не внимал, потому что есть такая-то и такая-то статья закона, требующая суда.

Л. Н. сказал, что чем старше становится, тем явственнее ему: это форма отжившая — государство, а что если «останется жив», напишет о ней. Собственно, есть один закон, закон божий, и на нем основаны отношения людей, а они в угольный камень кладут самую глупую статью.

Л. Н. рассказал, что получил письмо от одной матери, пишет: отец — магометанин, она православная, два сына: один учится, другой — офицер. Они оба хотят перейти в магометанство².

Софья Андреевна: Из-за многоженства: допускают много жен.

Л. Н.: Что же, много жен. У нас мало ли?

Софья Андреевна еще что-то заметила.

Л. Н.: У них правило — одноженство. Если человек может жить с одной женой, то лучше; многоженство — урегулирование.

После Л. Н. говорил, что ему, задумавшемуся над этим письмом, многое выяснилось:

— Магомет постоянно приводит Евангелие. Христа не признает богом и себя не выдает за бога. У магометан нет бога, кроме бога, и Магомет пророк его. Нет никаких догматов, никаких таинств. Что лучше: православие или магометанство? Для меня ясно, что магометанство лучше. — Помолчав короткое время, Л. Н. повторил: — Магометанство, без сравнения, лучше православия. Магометанство мне очень помогло.

Михаил Васильевич: Запорожцы-некрасовцы³ перешли в магометанство.

Л. Н. говорил, что как человек развивается, так и религиозная основа: она в ведах, таосизме, буддизме, христианстве, магометанстве — основа

С. А. ТОЛСТАЯ С ВНУКАМИ СОНЕЙ, ТАНЕЙ И ПЛЮШКОМ ОКОЛО ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДОМА, 3 МАЯ 1909 г.
Фотография Т. Тапселя

религиозная одна. Она со временем все идет к упрощению и единению.

Михаил Васильевич сказал, что православие еще лучше, чем другие церковные учения; если отбросить обряды, догмы, то молитвы — умирительные, возвышающие, успокаивающие, трогательные, и что православие для верующих в него есть духовная пища.

Л. Н.: Это закрывает сущность религии. Я думаю, что у них внешняя форма, нет внутреннего. Религиозное умирение с истинной религиозностью мешать «два эти ремесла есть тьма охотников, я не из их числа»⁴. Настоящая религиозность — любовь. Когда Новиков говорит, что отбоя нет от нищих, прохожих, режешь куски хлеба — у самого недостает, а все-таки дашь, когда есть тут лишение себя нужного, разве тут нет отрады?

14 марта. Л. Н. утром продиктовал мне ответ «польке», упрекавшей его, что он написал о Боснии, а о их Польше не пишет:

«Мысль моя состоит в том, что избавить польский народ от его порабощения и дать ему свойственное всем людям благо может никак не борьба насилием с насильниками, не покровительство насильнических держав, как Россия и другие, но вступление на тот путь истинно христианской жизни, при которой все люди признают себя братьями и потому свободными. Свободу дает только любовь, религиозная любовь; любовь же только тогда любовь, когда неперемненным условием ее есть неупотребление насилия, т. е. непротivление.

Разделение и угнетение Польши всегда возбуждало во мне величайшее негодование. Спасение от него, думаю, есть одно то, чтобы поляки перестали бы себя считать поляками, а считали бы себя братьями всего человечества. Я думаю, что такая мысль и деятельность особенно свойственна славянским народам, и такому народу, как поляки, которые перенесли такие тяжелые испытания»^{*}.

* Л. Н. продиктовал мне этот ответ «польке» 14 марта 1909 г., но потом он сам от своего имени написал ей длинный ответ.